

РАЗДЕЛ I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

ПИСЬМА А. А. КОТЛЯРЕВСКОГО К А. Н. ПЫПИНУ

Публикация З. И. Власовой

Постоянное внимание к положению народа, забота об его интересах и стремление служить ему было одним из главных жизненных принципов лучших представителей русской интеллигенции, к числу которых относятся А. А. Котляревский и А. Н. Пыпин.

Переписка Котляревского и Пыпина заключает в себе черты их эпохи, отголоски тех научных и общественных интересов, которые определяли их интенсивную историко-литературную деятельность, и сохраняет живые черты характера каждого из корреспондентов. Поэтому при публикации писем Котляревского цитируются в отрывках и некоторые письма А. Н. Пыпина.

Они были почти ровесниками (Пыпин на 4 года старше) и оба формировались в обстановке нарастающей общественной активности, характерной для второй половины XIX в., что не могло не отразиться на выборе ими своего профессионального поприща, на их позиции в науке. «На него повлияло то нравственное содержание событий, которое выдвигало в общественном сознании и в самых учреждениях народ и народную жизнь, а в них и была рано намеченная цель всех его изучений сначала в университетской школе, а затем и в собственных самостоятельных трудах», — писал о Котляревском Пыпин. Эти слова можно отнести и к нему самому.

О Котляревском обычно упоминают только как о выдающемся слаviste и представителе мифологической школы, забывая о его активной общественной позиции в конце 1850-х— начале 1860-х годов, которая привела его к сближению с Н. Г. Чернышевским, аресту и заключению в Петропавловской крепости, где он получил болезнь легких, сократившую его жизнь. Большим влиянием в студенческой и прогрессивной среде русского общества пользовались его статьи, призывавшие к общественной активности, указывавшие на рутину в науке, литературных взглядах, педагогике, на общественное равнодушие и опасные реакционные заявления некоторых ученых.

Александр Александрович Котляревский (1837—1881) принадлежал к поколению, лучшие представители которого продолжали демократизацию основ русской филологической науки в 1860-е годы. Воспитанник Московского университета, ученик О. М. Бодянского, Ф. И. Буслаева, Т. Н. Грановского, он увлекался филологическими разысканиями со студенческих лет и уже со второго курса начал публиковать в газетах и журналах свои рецензии, заметки, статьи. Некоторое сходство наблюдается в первых шагах научной деятельности Котляревского и Пыпина. Если первым литературным трудом Пыпина было составление словаря к Новгородской летописи — вклад в работу над словарем древнерусского языка, предпринятую И. И. Срезневским, — в которой участвовали его ученики, то одной из первых печатных рецензий Котляревского был отзыв на труд П. А. Лавровского «О летописи Якимовской».¹

В студенческие годы Котляревский, как известно, увлекался социалистическими учениями и был одним из постоянных участников известного кружка «вертепников». Его имя встречается в полицейских донесениях с 1858 г., внесено в «Список подозрительных лиц в Москве» генерал-губернатора А. А. Закревского (1859).² В студенческие годы установились дружеские связи Котляревского с П. С. Ефименко, П. Н. Рыбниковым, А. А. Козловым, И. Г. Прыжовым, М. Я. Свириденко и другими активными участниками социалистических кружков. В то же время, по воспоминаниям Алексея Веселовского, «в его скромной студенческой комнате на самой вышке одного из старых домов Арбатской площади понемногу скоплялась редкая для студента библиотека, главное его сокровище, и вызывала к нему какое-то особое, почти пугливое уважение».³

После окончания университета Котляревский служил сначала репетитором, затем преподавателем в Московском Александринском сиротском кадетском корпусе, где начинали службу такие известные позднее ученые, как К. Н. Бестужев, С. А. Ешевский, Н. А. Попов, Н. С. Тихонравов, и приобрел вскоре репутацию одного из талантливых педагогов Москвы. Демократизм взглядов, уважительное отношение к личности учащегося, содержательные лекции, высокая требовательность, доброжелательный, открытый и веселый характер привлекали к нему учащихся. Он приглашал их к себе, позволял пользоваться его личной библиотекой, учил самостоятельно мыслить и работать.

Имя Котляревского часто появлялось в печати. За три послеуниверситетских года он опубликовал около тридцати статей. В этот период возникли интересные знакомства: со знаменитым впоследствии революционером П. Л. Лавровым, известным тогда только в качестве одного из лучших преподавателей математики, на квартире А. Н. Плещеева — с Н. Г. Чернышевским. Выдающаяся роль Чернышевского в общественном революционно-демократическом движении России 1860-х годов не может быть стерта из истории и памяти потомков. В конце июня 1861 г. Чернышевский был озабочен трудоустройством В. Д. Костомарова, сыгравшего роковую роль в его жизни; Чернышевского он предал и оболгал на допросе после ареста. Второго июля 1861 г. ему-то и писал Чернышевский: «...я все возвращаюсь к мысли об уроках в одном из корпусов. У меня теперь там, кроме Котляревского, есть еще добрый знако-

мый Свириденко, человек вполне порядочный, подобно Котляревскому <...> люди они очень хорошие. Мне бы хотелось познакомить Вас с ними, конечно, в том случае, если бы вы думали похлопотать при их содействии об уроках в одном из корпусов».⁴

Знакомство Чернышевского с Котляревским было, видимо, достаточно длительным и надежным, чтобы можно было обратиться с просьбой. Правда, арестованный через год, он на допросе отозвался о Котляревском и Свириденко как людях, ему мало знакомых. Он не хотел привлекать к ним внимание Следственной комиссии. Позднее в письме, написанном из Виллойска через два года после смерти Котляревского, Чернышевский упомянул, что Котляревский, бывая в Петербурге, навещал и его с женой. Уверяя Ольгу Сократовну, что она была интересной собеседницей для его друзей, Чернышевский напомнил ей и о Котляревском: «А другой <один> из немногих, пользовавшихся моим уважением (курсив мой. — З. В.) и радушным приемом ученых. — Котляревский, подобно Пекарскому, слишком рано умерший и унесший с собою в могилу еще более гжучую силу ума и учености, чем Пекарский, — этот дерптский и впоследствии киевский профессор, о кончине которого скорбела не русская только, но и вся европейская ученая публика, — он, когда живал в Петербурге, неотступно сидел подле тебя или нет? Кажется, неотступно, моя милая голубочка».⁵ Комментаторы писем отнесли это высказывание к сыну Котляревского Нестору, который родился в 1863 г. и никак не мог беседовать с Ольгой Сократовной до ареста ее мужа, совершенного 7 июля 1862 г. Из приведенного отзыва ясно, что, находясь на каторге, а затем в ссылке, Чернышевский не переставал интересоваться судьбой Котляревского и следил, насколько это было возможно в положении ссылного, за его ученой карьерой.

Котляревский был взят полицией через неделю после ареста Чернышевского и находился в Петербурге, куда приехал для работы в библиотеке и для встреч с друзьями. Он, несомненно, своевременно узнал о внезапном аресте Чернышевского, обнаружил за собой слежку и поостерегся везти книги из Петербурга, которые ждали в Москве. Он был арестован 15 июля в Клину. При обыске у него были обнаружены три книги лондонского издания. Сначала его освободили, установив секретный надзор, но через неделю арестовали снова и увезли в Петербург. Обвиненный «в сношениях с лондонскими пропагандистами», он был заключен в Алексеевский равелин, в «покой № 13». Рядом с ним в номере 12 был Андрей Нечипоренко, а в номере 11 — Чернышевский.⁶ Его освободили «за отсутствием улик», уволили со службы без права преподавать. Он вышел больной, с горловыми кровотечениями и кашлем и в течение семи лет находился под секретным надзором полиции. В этот период друзья поддерживали его, как могли, и в их числе, как видно из переписки, Пыпин.

На следствии Котляревский категорически отвергал политические обвинения. Он не мог опровергнуть факт своей встречи с В. И. Кельсиевым, связь с которым была одним из главных пунктов обвинения. Он подчеркивал, что его интересы имеют чисто библиографический характер, в кругу этих интересов есть и литература раскольников, о которой шел разговор с Кельсиевым. В крепости им была написа-

ла статья «На память будущим библиографам».⁷ О самообладании Котляревского свидетельствует и письмо его, написанное из крепости К. Н. Бестужева-Рюмину и озаглавленное «Библиографическое послание». По упоминанию 8-го номера «Отечественных записок» 1862 г., можно полагать, что написанное в сентябре или октябре (заключенным разрешалось ограниченное пользование книгами и переписка), оно хранилось в архиве К. Н. Бестужева-Рюмина и заслуживает быть процитированным полностью:

«Сейчас прочел я, дорогой Константин Николаевич, конечно Вашу библиографическую заметку (опубликована без подписи. — З. В.) в 8-м номере „Отечественных записок“ 1862 г. (отдел русской литературы, с. 260—265) о первом выпуске лекций по русской истории Костомарова и спешу, что называется, душу отвести, то есть не всю душу, а библиографическую часть ее, которая более трех месяцев дремала праведным, но не безмятежным сном. На с. 261 Вы говорите: „Специальных сочинений о летописях мы знаем три: Иванова, Поленова и Перевошикова В. М., но они касаются более внешнего вида, чем внутреннего значения летописи; характер их почти исключительно палеографический“. *По неисповедимым судьбам промысла в настоящую минуту со мной нет никаких книг, сколько-нибудь сюда относящихся* (курсив мой. — З. В.), но если не обманывает меня память, то Ваши слова подлежат некоторому изменению: во-первых, ни одно из этих сочинений не имеет характера палеографического. „Обозрение русских летописей“ Поленова, напечатанное сначала в Журнале Мин<истерства> нар<одного> пр<освещения> в 1849 г. и потом отдельно в 1850, есть не иное что как обозрение изданий русских летописей, начиная с изданий „Степенной книги“ и Таубертского „Воскресенского летописца“ и оканчивая „Полным собранием русских летописей Археографической экспедиции“ или комиссии.⁸ В этом обозрении буквально нет ничего палеографического. То же должно сказать и о сочинении Перевошикова „О русских летописях и летописателях до 12...“ — не помню которого года.⁹ Это рассуждение о первоначальном виде Несторовой летописи и ее продолжателях. Каким изданием пользовались Вы: отдельным ли (1839) или помещенным в „Трудах Российской Академии“ 1840 г.? В последнем оно пополнено и несколько переделано. Равным образом, и сочинений Иванова имеются два: первое — „О русских хронографах“ (Казань, 1842), где почти нет ни слова о хронографах, ни о летописях, и второе — „Обозрение русских временников“ (Казань, 1843) — простой и сухой каталог нескольких летописных сборников разных библиотек — без всякого ученого значения.¹⁰ Здесь хотя и определяются некоторые палеографические признаки рукописей, но по большей части — неверно!

Во-вторых, Ваше число — три сочинения — нужно пополнить еще несколькими, которые важнее всех этих трех, таковы: „О новгородских летописях“ — исследование Срезневского в третьем (ni fall-ov!)* томе „Известий Академии Наук по О<тделению> р<усского> я<зыка> и с<ловесности>“; „О русских летописях в церковно-исто-

* Ni fallov ! (греч.) — Не падать!

рическом отношении“ — очень и очень недурной ряд статей (три или четыре) в „Православном собеседнике“ Казанской духовной академии 1859(60?), года. По моему мнению, это лучшее, что было писано по предмету внутреннего значения летописей.

Извините, дорогой Константин Николаевич, мою библиографическую прыть: ей долго не было никакого выхода — так и не выдержал, и, что Вы думаете, право, на душе стало легче. До свидания, быть может, скоро увидимся.

Преданный Вам душевно
Котляревский.

Да, забыл было: за что же Вы обидели Клеванова, а ведь как он старался уяснить „значение русской летописи в духовном развитии народа“ (Чтения, 1848, последняя книга)!¹¹ Читаю сочинение барона Шеппинга „Русская народность“ — руки так и зудят написать статью „У всякого барона свои фантазии“.¹²

„Библиографическое послание“ и статья „На память будущим библиографам“ — косвенное свидетельство того способа защиты, который избрал обвиняемый.

Из крепости он писал редактору „Филологических записок“ А. А. Хованскому: „Меня постигло великое несчастье, перевернувшее вконец всю мою жизнь. Под гнетом этого несчастья я нахожусь еще и теперь, по истечении трех месяцев. Когда я вздохну свободно — не знаю“.¹³

Лишенный права служить по ведомству народного просвещения, Котляревский около шести лет жил частными уроками, но с прежним энтузиазмом занимался научными изысканиями и литературно-критической деятельностью. В первый же год после освобождения он опубликовал более десяти статей под псевдонимом «Н. Челышевский» (Челыши — название дома в Москве, где сдавались меблированные комнаты для студентов), возможно, выбранным не случайно: созвучие фамилий могло напомнить о заключенном Чернышевском. В этот же период он стал секретарем Московского археологического общества, образовавшегося из кружка, активным участником которого был Котляревский. Председатель Общества граф А. С. Уваров поручил ему также редактировать ученые труды Общества, к участию в них Котляревский привлек А. Н. Афанасьева, также лишенного права служить в государственных учреждениях за предполагаемые, но не доказанные «сношения с лондонскими пропагандистами», хлопотал и об П. С. Ефименко, сосланном в Архангельскую губернию. К участию в «Трудах Археологического общества» и в «Археологическом вестнике» он пригласил участвовать всех своих друзей, в их числе А. Н. Пыпина.

Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — известный филолог, славист, историк литературы и фольклора, с 1898 г. — академик, приходился двоюродным братом Чернышевскому, авторитет которого был для него недостижимо высок. После его ареста Пыпин снабжал его в крепости книгами и бумагой, заботился обо всем необходимом и хлопотал о публикации написанных в камере крепости трудов. Знакомый с

Котляревским задолго до ареста, Пыпин несомненно знал обстоятельства, сблизившие его с Чернышевским, но умолчал об этом в биографии, написанной после смерти Котляревского, и в письмах к нему. Лишь в некрологе, упоминающая о большом в обществе успехе статьи покойного «Старина и народность за 1861 год», он вскользь заметил: «...около этой поры мы лично узнали Котляревского, свежего, талантливового, богатого силами, окончательно выбравшего себе ученую дорогу (возможна была другая, влекущая достаточно сильно? — З. В.). Предстояла много обещающая деятельность, но, к несчастью, над ним стряслась беда, которая тяжело отразилась на его дальнейшей жизни».¹⁴

Сдержанность Пыпина в данном случае вполне объяснима. Друзья и ученики Котляревского заботливо утверждали за ним репутацию благонамеренного ученого, чтобы помочь ему восстановить право на преподавание и освободиться от секретного полицейского надзора. Посчитал ли Пыпин несвоевременным упоминать о дружеской близости с Чернышевским уже после смерти Котляревского, в условиях наступившей реакции 1880—1890-х годов — трудно сказать. Как биограф Пыпин рассказал гораздо меньше, чем знал. В публикуемой далее переписке есть лишь одна обмолвка о Чернышевском в письме от 1 марта 1874 г. и лаконичный ответ на нее Пыпина (см. прим. 26).

Защитив магистерскую диссертацию в С.-Петербургском университете, Котляревский получил место экстраординарного профессора в Дерптском университете. Прибалтийский климат губительно отразился на его здоровье. Проведя в Дерпте четыре года, он получил возможность ехать на лечение в Италию, где провел год, и еще год в Праге, где установил широкие и разнообразные контакты с чешскими учеными и некоторыми славистами Европы. В Праге он закончил докторскую диссертацию о древностях юридического быта балтийских славян (Прага, 1874), которую защитил 2 декабря 1874 г. в С.-Петербургском университете. Приглашенный в Киевский университет в качестве слависта, он вскоре был избран президентом Исторического общества Нестора-летописца и вел большую научно-общественную работу: член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук и чешского Общества наук, действительный член Общества истории и древностей российских при Московском университете, член Киевского Юридического общества и др. В 1881 г. Котляревский скончался в Пизе (Италия) в возрасте 44 лет.

Публикуемые ниже 13 писем Котляревского Пыпину хранятся в Российской национальной библиотеке в фонде А. Н. Пыпина. Три письма были опубликованы в сборнике «Из переписки деятелей Академии наук» (Л., 1925), ставшем ныне библиографической редкостью.

1

<1867, Москва>.

И я поздно отвечаю на Вашу записку, дорогой Александр Николаевич, и виною тому моя забывчивость: затерялся где-то Ваш адрес, а вспомнить не вспомню. На днях только один из общих знакомых сообщил мне его, и я спешу исправиться.

Благодарю Вас душевно и за добрую память обо мне, и за Эрмия;¹⁵ Вас, я считаю, что статья уже находится у меня; в дело она пойдет с 15-го мая; между тем, получили ли Вы первый номер «Археологического вестника», мною издаваемого?¹⁶ Если нет, то спросите Н. Н. Трапезникова, к нему отправлен Ваш экземпляр уже около двух недель, второй номер оканчивается печатанием, и Вы получите его оттуда же около 5 мая.

Подивитесь Вы и покачаете головой, взглянув, какими материями я там занимаюсь; я и сам немало изумляюсь своему археологическому запою¹⁷, а делать пока более нечего; все же — согласитесь сами — лучше, чем упражняться в российской науке в духе Вашего приятеля Ламанского¹⁸ и тому подобной честной братии. Журнал издаю я сам — один, на средства, мною выдуманные, а потому и ни перед кем и не состою в ответе. Общество дало мне именное право да дает статьи, доставляемые в него. Не оставьте, кормилец, Вашими щедротами, коли будет какая статья, рецензия или просто какая-нибудь малая заметка.

Преданный Вам душевно

А. Котляревский

2

<1867, май, Москва>

Дорогой Александр Николаевич,

Напрасны Ваши беспокойства о статье: российские Шпекины интересуются занимательными письмами, а что для них почтенный Эрмий и Бронтология?¹⁹

Статью я получил благополучно, душевно благодарю Вас за нее, но исполнить Вашего желания относительно помещения во второй книжке «Вестника» не мог, потому что книга была уже вся набрана и почти вся отпечатана, т. е. оставалось отпечатать один лист мелочи, куда Ваша статья не шла. Отвожу ей теплое место в третьей книге, которая уже набирается и выйдет в конце июня м<еся>ца. Сегодня вышла в свет вторая книга «Вестника». Вы ее получите через почту за бандеролью. До сведения Вашего спешу довести, что я немного бесцеремонно распорядился Вашею Особою, т. е. 10 мая Вы единогласно были избраны в действительные члены Московского Археологического общества по седьмому параграфу Устава, т. е. без обязательства платить годовую повинность. Вы получите об этом, яко подобает, официальное извещение, а пока — простите, если это избрание Вам не по сердцу, мне же просто совестно было не сделать этого, так как ничем другим

я не мог поблагодарить Вас за статью, причем я имел в виду другое соображение: отसेле Вы будете получать даром все издания Общества даже и в том случае, когда я не стану более принимать в них никакого участия.

По душе приходится мне Ваша мысль о сборнике, обеими руками готов принять в нем самое деятельное участие (Матерьялу у меня много, но приняться за него не могу ранее сентября: диссертация камнем лежит на мне!), но думаю, что ему никак не следует иметь лишь популярное значение: публика может и должна обходиться пока без таких книг, а наука — не может, и ей-то многим книголюбам следовало б послужить, тем более, что она и они так бедны здравомыслием... Когда мечтаю о проектируемом сборнике, он представляется мне книгою серьезною, необходимою для каждого исследователя русской старины, долговечною, одним словом; он должен быть сборником занимательных и верных исследований по русской науке, а не учебником. Мне так опостыла роль учителя, так кажется она — пока — неблагоприятною и бесплодною, что я возненавидел все популяризации. Когда пишу что-нибудь, то веду беседу не с почтеннейшей публикой, а с Вами, с другим, с третьим из занимающихся людей; с ними хочу я делиться и мыслию, и трудом, им хочу служить, как, равным образом, от них хочу учиться. А публика — я равнодушен к ней более даже, чем к приезду «дорогих гостей», как здесь говорят, то есть славян.²⁰ Кстати о них. Жаль мне их от души, неужели проявления российской дури они примут за что-нибудь серьезное и возложат на нее свои надежды! Что это такое в самом деле: откуда вакханалия славянским пивом не по разуму, откуда вдруг явилось такое количество славянолюбцев, откуда это повальное преображение в Ламанских? Все это, конечно, делается искренно, но уж чересчур глупо, а для славян опасно: подуй иной ветер — и мы их в толчки... И это должно быть, поверьте мне. В Москве им готовятся такие же кутежи с такими <же> глупыми овациями, как у Вас, или еще хуже, потому что Москва имеет то высокое преимущество перед Петербургом, что в ней дураков менее, чем в Петербурге, зато все они отличного сорта, каких у вас нет, на выбор — одним словом, и гораздо более, чем ваши экземпляры, страдают хроническим умопомешательством, а они-то — коноводы славянской суматохи. Извините за брань: зло берет.

Простите пока, дорогой Александр Николаевич, в сентябре увидимся, надеюсь. Дружески жму Вашу руку

преданный Вам душевно
А. Котляревский

1 марта 1874

Драгоценнейший Александр Николаевич, здравствуйте!

В прошлом году я послал Вам с знакомым книжицу Шевырева и Рубини «Storia della letteratura russa». Получили Вы ее?²¹

Вот скоро два года, как я мыкаюсь по разным палестинам Европы: летом в Праге, зимою в Италии; промыкаюсь, кажется еще год, а потом пора и честь знать... Несмотря на все прелести сих стран, тянет меня на Русь...²²

Написал я книжицу «О юридическом быте славян балтийских»; если удастся летом напечатать в Праге, то осенью явлюсь в Петербург защищать ее на доктора и, конечно, сейчас же отведу душу сердечной беседой с Вами.²³

Самое важное мое занятие заключается в хождении на нечестивые сонмища книжников, т. е. на книжные аукционы, где иногда приходится добывать очень недурные вещи, разумеется, из старья. Новым — как в литературе, так и в науке — Италии похвалиться нечем. По истории народных средневековых суеверий я нашел здесь прекрасные книги и мало известные к тому же в немецко-французской Европе. Хотелось бы как-нибудь употребить все это в дело, но как? Я даже не знаю, где буду обитать по возвращении из Европы: из Дерптского университета я вышел в отставку и состою не у дел. Одно почти решено у меня: издавать (три книги в год) журнал по русско-славянской старине.²⁴ Я распространяюсь об этом затем, чтобы припомнить Вам, дорогой Александр Николаевич, Ваше обещание быть вкладчиком в мое будущее предприятие.

Что у Вас делается хорошего? Вот утешили бы, если бы дали весточку о себе хоть двумя-тремя строками.²⁵ Читал я что-то в газетах о манифесте. Отразится ли он на улучшении быта Н<иколая> Г<авриловича>?²⁶

Здесь живет Петровский, «пернон» (казанский наш ледник Григоровича) — чистейшая душа и прекрасный человек, да не моего поля ягода: славянофил, хотя в благороднейшем смысле слова.²⁷ Оттого, видясь каждый день, мы остаемся чужды друг другу. Не могу ли я чем быть полезен Вам, дорогой Александр Николаевич? Не нужно ли каких сведений, книг etc.? С первого мая я поселяюсь в Праге и был бы сердечно рад чем-нибудь услужить Вам. Если встретится что — опишите, адресуя на имя пана Патеры²⁸ и — будьте уверены — что исполню. Простите, дружески жму Вашу руку и прошу Вас верить в искреннейшую и неизменную мою преданность и уважение к Вам.

Ваш А. Котляревский

Roma Piazza Barbarini, № 95, I-piana

< Без даты >

Дорогой Александр Николаевич, прошу Вас дружески провести у меня вечер завтра (в субботу). Приходите, утешьте. Из людей, которых Вы не желали бы видеть, не будет никого. Будут только Костомаров и Кожанчиков.²⁹

Простите, дорогой мой.

Ваш А. Котляревский

< Без даты >

Дорогой Александр Николаевич,

Прошу Вас дружески: примите моего друга (и друга М. Я. Свириденко) Алексева Алексея Козлова, как подобает добрым знакомым и друзьям.³⁰

Ваш А. Котляревский

Киев, 14 апреля 1876.

Дорогой Александр Николаевич, здравствуйте!

Гневаетесь Вы, конечно, на меня за мешкотность в доставлении «Slovníka naučného»,³¹ но если бы Вы знали мои мытарства с квартирами и книгами, то, несомненно, переложили бы гнев на милость. Поверите — досель не устроился, а в июне нужно снова расстраиваться, то есть менять квартиру.

Вчера, однако, я отправил Вам пять томов Словника и приложил к нему четыре книги для А. Н. Веселовского (передайте — будьте добры). Цену Словнику узнаете из прилагаемой вырезки из чешского каталога: русский рубль во время покупки мною книг стоил один гульден пятьдесят три крейцера. Денег мне высылать не трудитесь. А вот об чем попрошу Вас: распорядитесь в конторе «Древней и новой России», чтобы мне выслали в университет прошлый год в английском светло-зеленом переплете и год текущий выслали бы.³² Это составит почти ровнехонько стоимость «Slovníka».

Račete, roztomilý příteli, odrustiti že tim vás obtěžuji, ale jnac to ne dá se udělati*... Лекции в этом семестре читал я преподло, потому

* Прошу прощения, любезный друг, что доставляю Вам эти хлопоты, но другого выхода не вижу...

что читал без книг, которые привел в порядок лишь перед самым заключением курса. Надеюсь поправиться в будущем семестре. Летом примусь за исполнение давнишней мечты — написать «историю изучения древнерусской литературы» z chronologický-bibliografickeno standpunkgta cile ohledy*...

Думаю, что может выйти полезная справочная книга.

Вот еще что, дорогой Александр Николаевич, в последний раз, когда я видел Вас, Вы дали мне отгиск Вашей первой статьи об изучении древнерусской литературы.³³ Статья мне понравилась, и я жажду продолжения. Пришлите мне, если есть у Вас — под бандеролью. Утешьте. Да уведомьте о Вашем точном адресе: благодаря незнанию его, я принужден был отправить книги в редакцию «Вестника Европы», хотя и на Ваше имя.

Здешний историко-филологический факультет разделяется на три категории: а) старцев обоего пола, б) юношей, подающих надежды, в) немногих рабочих людей. Слабый факультет и, что хуже всего, нет близкой надежды на обновление.

Найдите свободную минутку — напишите о себе. Что Костомаров и Скимен-зверь Ефремов?³⁴

Простите, дружески жму вашу десницу.

А. Котляревский

7

<1879> 12 декабря

Искренне уважаемый дорогой Александр Николаевич,
здравствуйте!

С некоторого времени я всем порядочным людям «желаю здравия» с полным уважением к этому слову, ибо сам утратил оное, кажется — безвозвратно: прошлую зиму от воспаления дыхательных органов чуть-чуть не погиб, а теперь — вкушаю последствия сего: одышку, слабость и расстройство организма. В таком положении естественно погружаюсь в самую злокачественную хандру, огорчая по временам существование и себе, и другим...

Впрочем, что же это я — пишу к Вам свой скорбный лист... Довольно сказать, что даже старая неизменная любовница моя, нарицаемая «библиофилия» представляется мне шлюхою... Но только по временам. А потом все-таки идешь к ней и кормишься не без приятства ее сиською. Так и теперь: в сентябре студенты пришли ко мне и просили прочесть курсы древнерусской литературы, потому что официальный «сих дел мастер» ока-

---

* С хронологически-библиографических позиций или обзора.

зывается импотентом. Вместо курса исторического я читаю из истории обработки истории древнерусской словесности.³⁵ Дело идет, и я сижу по уши во всякого рода цитатах, книгах, рассмотрении западного и восточного направления в сей науке и так далее. Пишу все весьма аккуратно и твердо намерен издать сии лекции, разумеется, в приличной и опрятной библиографической одежде.³⁶ А посему к Вам просьба: года два тому назад Вы прислали мне три Ваши статьи: а) о сравнительно-историческом изуч<ении> русской литературы, б) древний период русской литературы. 1. Племя и народ, в) древний период русской литературы. 2. Византия. Да сим и прекратили Вашу доброту, Прошу о продолжении ее до конца. В особенности нужна мне первая статья — средних веков русской литературы, помещенная в ноябре 1876 («Вестник Европы»).³⁷ Я нигде не могу отыскать ее здесь. Вот Палестина-то! Взамен сего пришлю Вам третий том сочинений Максимовича, содержащий труды его по лингвистике, истории русской словесности: они печатаются теперь под моей, как у Вас говорят, редакцией,³⁸ равным образом пришлю Вам во всяком случае любопытные историко-литературные упражнения Хруща над летописными сказаниями.³⁹ Он думает пустить сей труд как докторскую диссертацию. Да напишите что-нибудь о себе в добрую минутку — право!

Если не подохну в скором времени, то, само собою разумеется, отпечатаю Вам моей «Библиологической истории древнерусской письменности» экземпляр in 4° на чудовищной бумаге с чудовищными полями, словом, совсем не удобный для употребления...⁴⁰ Библиографическому старосте Ефремову будет такой же. Кстати передайте мой поклон сему мужу, коли он не злится. А когда он не злится?!

Прочел длиннейшую статью Тихонравова: разбор «ист<ории> лит<ературы>» Галахова. «Шава шьел» сего старца — просто даже совестно было читать (в Уваровском отчете помещена).⁴¹

Простите.

Искренно Вам преданный Ваш Котляревский

На углу Шулявской и Кузнечной, дом Горлова.

8

<1880>, 10 января

Дорогой и сердечнoуважаемый Александр Николаевич!

На днях буду иметь удовольствие доставить Вам два новых плода моего «киевского уединения», а теперь распространяюсь о деле.

Вам, конечно, не менее моего известны литературные опыты и усилия Задерацкого по славянству.⁴² Летом этого года он скончался, оставив совсем лишенную всяких средств к бытию старуху-мать. Полагая, что труды сего покойного юноши, труды неутомимые и очень полезные, дают право его бедствующей матери на некоторое внимание со стороны «Общества пособия нуждающимся литераторам», позволяю себе просить Вас принять участие в сем деле. Честно, положив руку на сердце, говорю: дело сие такое, что не уважить его было бы вопиющею несправедливостью. Кто знает, что в Киеве значит заниматься науками и литературую в том смысле, как это делал Задерацкий, т. е. с самоотверженнейшим бескорыстием и всякого рода лишениями тот только правильно поймет и оценит его усилия, впрочем, и без сего достойные всякой хвалы и очень полезные. Примите, если можно, дружественное участие в сем деле или известите меня, как сделать...

Подательница сего письма, очень образованная девица Подвысоцкая стремящаяся неослабно вперед к «медицинскому неизвестному» на медицинских курсах в С.-Петербурге. Девица весьма достойная! Она хорошо знает положение старухи Задерацкой и может дополнить мои слова фактическими данными. Уделив ей несколько минут Вашего внимания, Вы прибавите новую гиричку к весу уважения к Вам, впрочем и без того уважающего Вас глубоко и искренно

Вашего Котляревского⁴³

Киев, 10 янв<аря>

9

<1880, январь>

Нарочито уважаемый Александр Николаевич, здравствуйте!

Дня через три-четыре отправлю Вам под заказной бандеролью увесистый третий том сочинений Максимова, изданный мною на счет Киев<ского> университета и обнимающий российское языкознание, историю словесности, «Слово о полку Игореве» и всякую старопечатщину. А в ноябре пришло издание (в числе 66 экземпляров первого тома — вступительный) моей «Библиологии русской народной поэзии».⁴⁴ Последняя украшена и некими «полемиическими красотоми» против готовящейся канонизации и открытия мощей «преподобных отец Алексия, Иоанна, Константина и Юрия в богоспасаемом граде Москве праведно подвизавшихся, т. е. Хомякова, Киреевского, Аксакова первого и Самарина. Знаете, моченьки не стало от дурачеств, производимых с их «памятью» и «учением».

Был летом в Полтаве, где племянник (=сын) Бодянского отдал мне дневник покойника с 1853 по 1857 год, разумеется, писанный не изо дня в день, а как «Бог на душу положит».⁴⁵ Всего будет листов 6—7 печатных. Есть много очень интересного, есть и неважное, но первенствует война и ее интересы. Хочу *dies inatibus*, снабдив примечаниями, напечатать.

Что поддельваете? Как живете? Вопросы не пустые на моем языке, ибо я живу так паскудно, что и вообразить невозможно: ноги отказываются ходить, легкие отказываются действовать... Погано.⁴⁶

Что второй том «Ист<ории> слав<янских> литер<атур>», когда наконец? Вопрошают меня о сем студенты, для коих сия книга служит учебником (разумеется, за вычетом беллетристики Спасовича⁴⁷) для приготовления на экзамен. Вот что, дорогой А<лександр> Н<иколаевич>: просьба! На днях читаю в «Российской библиографии» нижеследующий номер: *Пыпин А. Н. Старообрядческий синодик*. СПб., 1880. 18 страниц.⁴⁸ Почудился и возревновав добыть сию книжицу. Помогите мне в этом. Да нет ли еще оттисков? Вы давно забыли меня.

Просьба № 2. Не знаете ли Вы точного адреса Александра Николаевича Пыпина?⁴⁹ Знаете — сообщите, а к сему пристегните, где обитает рогатый зверь, П. А. Еремовым нарицаемый.⁵⁰ Давно также раззнакомился со мною; в библиографические боги сел, возгордился и превознесся...

За сим примите от меня, всегда того же — дружественное приветствие.

Ваш А. Котляревский

Киев. Угол Кузнечной и Шулявской, дом Горловой

10

1881, 15 февраля

Отменно мною почитаемый, дорогой Александр Николаевич!

Вчера отправил Вам две посылки под заказною бандеролью, но отправил по адресу книжного магазина Стасюлевича.⁵¹

Представляю Вам плоды своего библиографически-исторического рукоблудия (в продажу не пущены, напечатаны в числе 66 экземпляров). Ваш экземпляр редкостный, ибо по величине один из тридцати трех, и первое славянское упражнение своего (?) юнца Стороженка. Мои плоды да встретят от Вас всякого рода замечания, указания на пропуски, на недостатки и тому подобное, а трудец Стороженка да поощрится вами...⁵²

Теперь хочу печатать вторую часть сего «Введения», т. е. «Истории изучения русской народной поэзии». А там, если хватит сил — и далее... Написано около половины всего труда. «Если

хватит сил» пишу, — и сам над собой смеюсь: легкие плохо действуют, ходить не могу, застоялась кровь и фистулой изуродовано несчастное мое сидение; а еще пишу «если хватит сил»...

Истинно справедливое и хорошее дело сделаете, коли окажете заступничество в литературном Фонде за старуху Задерацкую.⁵³ Мне она — не сватья, не родня; я едва знаю ее, но глубокую нужду ее знаю, знаю и то, что она не захотела последовать совету друзей — продать славянскую библиотеку своего сына в Университет, а, согласно его воле, *подарила* ее в библиотеку Университета; знаю — но это и Вам хорошо известно — что Задерацкий имеет некоторое право на внимание со стороны посягающих нуждающимся литераторам и ученым.

Если, когда найдет на Вас добрая минутка и Вы захотите обрадовать мою малость несколькими строками — напишите мне, где будете летом; быть м<ожет>, я буду в Петербурге и, конечно, не желал бы не повидаться с Вами.⁵⁴ А за сим простите пока, дорогой мой.

Ваш, как всегда, А. Котляревский

1881, 15 февраля

11

<1881> 1 августа

Дорогой и отменно почитаемый Александр Николаевич!

Есть страна в немцах, Баварскою нарицаемая; в сей Баварии есть гнездо, Рейхенгаль рекомое... Оттуда пишу к Вашеству.

С третьей недели страстные седмицы напала на меня трясавица, дщерь Ирода-царя, Гнетей зовомая, и только теперь, не стерпев хинного действия и благорастворения воздухов, начинает мало-помалу бросать меня.⁵⁵ Хотя взамен малярии Рейхенгаль наградил меня частыми и грозными горлокровеизлияниями (слово, не вошедшее в Толковый словарь бестолкового Даля, потому что он не читал произведений покойного Щапова⁵⁶). Тяжко, на душе мрачно; но все же лучше, чем прежде, когда девица Гнетей сосала меня. Вы не узнали бы меня, когда увидели бы: и стар, и сед, только что не лыс... А между тем, подобно шелкоичному червю, который до самой кончины тянет свою нитку, тяну, сколько сил хватает, и я ее; подписываю всю первую часть своей «Энциклопедии славяноведения» (лекции студентам), имеющую объять «обозрение предмета, метода и литературы наук вспомогательных». Не знаю, удастся ли кончить, а не кончу — сын окончит, который теперь поступает в Московский университет⁵⁷ (в Киевский нельзя: достаточно, что там профессорствует такой сопляк-пошляк как «M-r Loutschisky»⁵⁸, чтобы бежать оттуда без оглядки) и, разумеется, будет филологом.

Имею намерение, если не отправлюсь *ad patres** пробыть за границей целый год. А не захочет мое «начальство»: мою просьбу уважить — уйду в отставку вчистую... «Состояние не у дел» улыбается мне, ибо какие дела делаются у нас теперь... Боже мой, коли б Вы знали, что такое наши университеты теперь. Расскажу Вам новейший факт, случившийся почти что со мною. Предложил я в доценты по истории русского языка известного Житецкого.⁵⁹ Возражали, но не против научной уместности, годности, достоинств и т. д. Житецкого, а против чего-то иного, очень ясно сквозившего из-за шумихи слов, но прямо не высказываемого никем, кроме Ренненкампа.⁶⁰ Этот с откровенностью и наглостью банкирского вора объявил, что он считает Житецкого политически вредным человеком, в особенности для Южной Руси, а потому войдет о сем с особым мнением. Тщетно я возражал, что сие особое мнение относится и принадлежит к *совсем иному учреждению* чем Совет университета — по лицам я видел, что сим довольны многие и очень многие...

Что Вы, дорогой Александр Николаевич, что Ваша «русская часть» «Истории славянских литератур»?⁶¹ Жалею очень, что не могу поспеть со своею «Библиологией».⁶² Готовы: история народной поэзии, священное писан<ие>, книги богослужебные, писания греческих и славянских отцов церкви, Палеи и апокрифы, хронографы. Остальное — матерьялы. Но и готовое застряло за моей болезнью.

Что это, впрочем, я занимаю Вас своего особою... Простите по старому знакомству. Теперь вопрос или просьба: Вы написали мне, что Общество пособия литераторам не разорится, прибавив несколько рублей в год старухе Задерацкой. Нельзя ли сделать сие и прибавить ей рублей сорок в год, чтобы выходило 20 в м<е-ся>ц, тем более, что здесь действительно нужда и пособлять придется недолго... Мне ли написать куда или Вы сами можете сказать где следует, только как бы устроить это.⁶³ Да кстати — как и куда дать знать, что за моим отсутствием из Киева деньги пансионные старухе могут быть высланы на имя Ригельмана, председателя Славянского общества в Киеве, или на имя Онисима Ивановича Лясецкого, директора второй гимназии.

Простите, дорогой Александр Николаевич! От души желаю увидеться еще с Вами, а не увидимся — то ни я в тогобочной, ни Вы в сегобочной жизни не помянем друг друга лихом.

Ваш А. Котляровский

Bavaria. Reichenhall, Maximtalants Bad. 1 aug<usta> бусурманского стиля.

---

* *Ad patres* (лат.) — к праотцам.

<1881, сентябрь>

Многоуважаемый, дорогой Александр Николаевич!

Излишне было с Вашей стороны и спрашивать, желаю ли я ознакомиться с Вашей работой; не токмо желаю, но жажду; тем более, что предмет-то мне несколько близок, да и томлюсь духовной жаждою вообще. Только с высылкой (под бандеролью, конечно) повремените, ибо через несколько дней начинаю кочевую жизнь на юге и где остановлюсь на зимнюю стоянку — еще и не знаю...

Судя по заглавию, прочтенному мною в объявлении о восьмой кн<иге> «В<естника> Е<вропы>» в Journal de S.-Petersb<ург>, предмет Вашей работы тот же, что и одной главы в моей книге, главы, написанной, но не пущенной в свет (nonnum pictabut in annum!*), т. е. отдела об изучении русской народной поэзии, представлен<ной> лишь в виде очерка листа два-полтора печатных. У Вас все дело, конечно, в обстоятельности изложения содержания. Искренно, от души рад Вашему труду, заранее уверенный, что найду в нем и для своего труда (если только за немощью или прекращением бытия не оставлю его непечатной сироткой), много полезного.

Здоровье мое поправляется туго; правда, молитвами к Сисинию-патриарху прогнал я нечестивую Гнетюю, но для изгнания удушья — особого святого не полагается; да и эскулапы глаголют, что от добра сего я николи же избавлен буду. Невзрачная перспектива! Вернулся бы на Русь, да боюсь попасть в герои или жертвы «Смутного времени». Нет никакой охоты приниматься за устройство хотя бы своей частной жизни, когда нет веры (и откуда ей быть!) в прочность и права сей жизни.

В часы, свободные от перхоты, кашля и всяких других прелестей, читаю прелестную книгу: J. Grimm. Kleinere Schriften.⁶⁴ Для истории изучения народной поэзии сущий клад, многое свежо и доселе. В деле Задерацкой — поступлю по Вашим указаниям. Простите, дорогой Александр Николаевич. Не забывайте.

Ваш Котляревский

Пиза, 1881, октября 8

Вот теперь попрошу я Вас, нарочито и незыблемо мною уважаемый Александр Николаевич, о присылке Ваших статей!¹⁶⁵

В Пизе, коли ничего особого не случится, думаю провести зиму...

* Nonnum pictabut in annum! (лат.) — Изображено году в девятом.

Последний раз писал я к Вам из Рейхенгаллия; вскоре затем пустился <на> долгих в странствие на юг: в каждом месте, при каждой остановке приносил обильные жертвы вавилонской блуднице, дочери Ирода-царя, трясавице Гнетее, так что пока добрался до Пизы — от меня осталась одна тень моя. Что будет далее — не ведаю. С эскулапами решил прекратить всякие сношения, ибо они такие же промышленные мошенники, как и попы. Различие только в названиях их промышленных банков и в солидности фирм: у одних непрочный «банк телесного здоровья», у других — старый солидный торговый дом Иисуса и К^о.

Что делается в любезном отечестве — совершенно мне неизвестно; мимоходом где-то читал, что армянин, «лобзавший некогда сию невинную деву», снова прорывается к этой работе. В добрый час!⁶⁶

Рассказывали мне, что года два тому назад в Тифлисе судили армян за скотоложество. Обвинявший спросил: «Чье было поле, на котором паслись подвергшиеся насилию телята?». Ответ: «Поле наше, телята наши. Хотым — едим, хотим — е...». Так и здесь: «Россия наша, хотым — едим, хотым — е...».

Если когда-нибудь придет Вам охота написать мне пару слов, — напишите, что есть и <чем> обещает быть заграничный варшавский «Вестник».⁶⁷ Хотелось бы, если сил хватит, помочь прежнему другу, во всяком случае честнейшему из российских журналистов. А пока простите, дорогой Александр Николаевич. Сегодня целый день лежу: лихорадка, хинин и широко сокрушают мою бrenную плоть.

Душевно преданный Вам А. Котляревский

Адрес в Пизу так: Piazza St. Niccola № 11, ab. I, piano

---

¹ Северная пчела. 1856. № 49.

² Клевенский М. Вертепники // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 47. С. 20.

³ Веселовский Алексей. Воспоминания об А. А. Котляревском. Киев, 1888. С. 2.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Письма. Т. XIV. М., 1949. С. 40.

⁵ Там же. Письма. Т. XV. М., 1950. С. 38.

⁶ Возвращавшийся из Лондона с письмами Герцена, Бакунина, Огарева и Кельсиева П. А. Ветошников был арестован на границе. Он привез письмо В. И. Кельсиева сослуживцу Котляревского Н. Ф. Петровскому, у которого при обыске нашли письмо с сообщением, что Котляревский из Петербурга привезет в Москву «массу книг». За Котляревским установили слежку. Из рассказов жены его Екатерины Семеновны известно, что один из агентов сел вместе с ним в вагон и ехал в одном купе, усиленно вызывая подозреваемого на разговор, но тот не отвечал, сославшись на зубную боль (Русская старина. 1893. Т. 78. С. 18—620).

⁷ Отечественные записки. 1862. № 11. Отдел III.

⁸ Иванов Николай Алексеевич (1811—1869) — историк, профессор русской и всеобщей истории Казанского университета в 1840—1850 гг. С 1856 г. пре-

подавал в Дерпте, где за год до смерти познакомился с Котляревским, который ценил даровитого ученого и позднее посвятил ему некролог; *Поленов Дмитрий Васильевич* (1806—1878) — историк и библиограф. Речь идет о книге «Библиографическое обозрение русских летописей» (СПб., 1850); *Перевощиков Василий Матвеевич* (1785—1851) — историк, писатель, профессор Казанского и Дерптского университетов, директор Дерптского профессорского института.

⁹ Речь идет о работе В. М. Перевощикова «О русских летописях и летописателях по 1240 год. Материалы для истории словесности» (СПб., 1836).

¹⁰ Неточно названы следующие работы Иванова: «Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их» (Казань, 1843); «Краткий обзор русских временников, находящихся в Москве и С.-Петербурге» (Казань, 1843), где дана история развития русской исторической науки до 1843 г. с меткой оценкой отдельных ее явлений.

¹¹ Имеется в виду статья А. Клеванова «О значении русской летописи в духовном развитии народа» // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1848. Кн. 1.

¹² *Шеппинг Дмитрий Осипович* — автор многих работ по мифологии и этнографии, которые нередко критиковались за поверхностность наблюдений, необоснованность выводов, непонимание произведений фольклора. Критически к трудам Шеппинга относились ученые противоположных направлений: и славянофилы (К. С. Аксаков) и западники (А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер).

¹³ Письма А. А. Котляревского к А. А. Хованскому хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Р. I. Оп. 12, № 123.

¹⁴ Вестник Европы. 1881. Т. VI, № 11. С. 428—431. Письмо 1. Впервые: Из переписки деятелей Академии наук. Л., 1925. С. 87.

¹⁵ Эрмий — одно из названий Гермеса.

¹⁶ Полное название: «Древности. Археологический вестник», выходил в 1867—1868 гг. под редакцией Котляревского.

¹⁷ В письмах от 21 апреля и 12 мая 1867 г. Пыпин поддерживал замысел сборника статей по русской старине. В связи с переездом Котляревского в Дерпт задуманный было сборник не состоялся. В течение 1867 г. в «Археологическом вестнике» публиковались статьи и рецензии Котляревского.

¹⁸ *Ламанский Владимир Иванович* (1833—1914) — историк и славист. Его труды «О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании» (СПб., 1859) и «Об изучении греко-славянского мира в Европе» вызывали в революционно-демократическом лагере ироническое отношение. Котляревский считал неудачной научную аргументацию Ламанского и не одобрял его поддержку идей панславизма. Более подробно выражено отношение Котляревского к проблемам славянства в связи с подготовкой Археологического съезда в Москве в письме втором.

¹⁹ Письмо 2. Впервые: Из истории русской фольклористики. Вып. 3. Л., 1990. С. 83—84. Шпекин — фамилия почтмейстера из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Эрмий и Бронтология — условные названия статей Пыпина, опубликованных под общим названием «Заметки по литературной археологии: 1. Бронтология и археологические предвещения. 2. Гермес Трисмегист». Бронтологиями назывались «предвещательные» книги с предсказаниями по грому — «громовники» и молнии «молнияники». Трисмегист — древнеегипетское мифологическое существо с именем древнегреческого бога Гермеса.

²⁰ Специальных исследований о позднем славянофильстве выявить не удалось. В письмах 1870-х годов Котляревский осуждал тенденции национализма и панславизма в научных исследованиях. Пыпин посвятил этой проблеме небольшую главу в своей книге «Панславизм в прошлом и настоящем» (СПб., 1878). Проблема панславизма неоднократно рассматривалась в евро-

пейской фольклористике (см. библиографию в работе: *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. Вопрос о поздних славянофилах касается Б. Ф. Егоров в статье «О национализме и панславизме славянофилов» (Славянофильство и современность: Сб. статей. СПб., 1994. С. 23—32).

²¹ «История русской литературы» на итальянском языке была составлена С. П. Шевыревым (М., 1862). Рубини преподавал итальянский язык и литературу в Московском университете в 1827—1856 гг.

²² Котляревский получил разрешение награничную командировку в 1872 г. сроком на один год. В конце 1873 г. он послал просьбу об отставке, но через месяц был причислен к Министерству народного просвещения, что давало ему право продолжать профессорскую деятельность после возвращения из-за границы.

²³ Речь идет о книге «Древности юридического быта славян балтийских. Опыт сравнительного изучения славянского права» (Прага, 1874). Котляревский защитил ее в качестве докторской диссертации 17 ноября 1874 г. и был утвержден в степени доктора славянской филологии 2 декабря того же года.

²⁴ Пыпин отвечал: «Ваши замыслы меня очень радуют, и я думаю, что это была бы вещь полезная: и путная <...> Литература в том же положении, как и лет 20—25 тому назад, и потому, — между прочим, как тогда, — самое время для „Старины и народности“, для „Архивов“ и для Вашего издания» (март 1874).

²⁵ Пыпин сообщал: «Кое-какие работы предпринимаются очень интересные. Для начала назову предприятие Ровинского: издать тексты и некоторые рисунки лубочных картин. Он после Пасхи приступает к печати. Николай Саввич <Тихонравов> объявил об издании своих произведений. Их все еще нет („Русские драматические произведения 1672—1725“). СПб., 1874, в двух томах). Забелин издает в двух—трех томах бытовую, если хотите — культурную историю русского народа с рисунками и т. д. — заказ его мецената. Костомаров печатает „Русскую историю в жизнеописаниях главнейших деятелей“, теперь идет 4-й выпуск, где речь идет уже об Алексее Михайловиче. А. Н. Веселовский читает хорошие лекции о средневековой старине. Иловайский полагает, что разыскал Тмутараканскую Русь (Речь идет о главном труде Д. И. Иловайского „Разыскания о начале Руси“ (СПб., 1876)). Погодин с пеною у рта вопит против Костомарова, Иловайского, в последнее время и против меня и издает целую книгу своих полемических обличений и донесений». (Известная полемика с Погодиным Костомарова и других ученых продолжалась с 1860-х по 1870-е годы. В «Вестнике Европы» были напечатаны статьи Костомарова «Ответ на бранное послание г. Погодина» (О Скопине-Шуйском) — 1872. Т. 1, кн. 2; «Ответ на новые бранные послания г. Погодина» — 1874, Т. 1, кн. 1 и др. «Русские народные картинки» Д. А. Ровинского издавались с 1874 по 1881 г., вышли в пяти книгах с атласом в трех томах. «История русской жизни с древнейших времен» И. Е. Забелина вышла в двух томах: М., 1876—1879 у Костомарова Н. И. вышло шесть выпусков «Жизнеописания».)

²⁶ Т. е. Чернышевского. Пыпин отвечал: «Вы спрашиваете, возымеет ли манифест какое-нибудь действие на улучшение быта Н<иколая> Г<авриловича> — никакого». Как известно, Чернышевский после гражданской казни и двухлетнего заключения в Петропавловской крепости семь лет пробыл на каторге в Нерчинских рудниках, затем был переведен в Вилюйск, откуда освобожден в 1881 г.

²⁷ *Петровский Петр Петрович* (1833 — 1912) — филолог-славист, преподавал в Казанском университете после перешедшего в Новороссийский университет В. И. Григоровича.

²⁸ *Патера Адольф Осипович* — выдающийся чешский филолог 1870—1880-х годов, заведовал библиотекой Чешского музея в Праге, безукоризненно владел русским языком и оказывал всяческое содействие приезжавшим в Прагу русским ученым.

²⁹ Письмо 4. Точнее, записка, относится к ноябрю 1874 г., когда Котляревский готовился в Праге к защите докторской диссертации. *Кожанчиков Дмитрий Ефимович* (1821—1887) — известный петербургский книгопродавец и издатель. Магазин его на Невском проспекте напротив Публичной библиотеки служил местом постоянных встреч писателей.

³⁰ Письмо 5 — *Козлов Алексей Алексеевич* — член социалистических кружков Москвы, обладал, по словам А. Н. Веселовского, «базаровской смелостью до Базарова», подружился с Котляревским в кружке «вертепников», привлекался к следствию по процессу 32-х и позднее; учительствовал, служил агрономом, преподавал философию в Киевском университете и издал несколько работ по философии. *Севириенко Матвей Яковлевич* (умер в 1864 г.), член социалистических кружков Москвы конца 1850-х годов, ходил «в народ», преподавал одновременно с Котляревским в Александринском кадетском корпусе; переехав в Петербург, служил приказчиком в магазине Кожанчикова, сблизился с писателям революционно-демократического лагеря. Во время гражданской казни Чернышевского предложил публике снять шляпы в знак уважения к нему.

³¹ Имеется в виду *Slownik naučny*. Red. L. Rieger. Diel I. S. 12. Praha, 1860—1890.

³² Первая работа Пыпина по древнерусской литературе — его магистерская диссертация «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (СПб., 1857), где впервые рассмотрены повести «Девгениево деяние» и «Повесть о горе-злочастии». Возможно, имеется в виду другая его статья «Древний период русской литературы и образованности: Сравнительно-исторические очерки» (Вестник Европы. 1875. Ноябрь—декабрь; 1876. Июль).

³³ «Древняя и новая Россия» — ежемесячный исторический сборник, выходил в Петербурге в 1870—1879 гг. под ред. С. Н. Шубинского; с 1879 г. стал журналом и прекратился в 1881 г. на третьем номере.

³⁴ *Ефремов Петр Александрович* (1830—1908) — литературовед, библиограф, коллекционер, издатель сочинений классиков XVIII—XIX вв.

³⁵ Комментированная библиография по истории древнерусской литературы Котляревского была первой и единственной попыткой такого рода в истории изучения последней.

³⁶ Пыпин писал в ответ: «План Вами предпринимаемой работы мне очень нравится. Я сделал бы только два замечания: работа будет без сомнения любопытная, но жаль все-таки, что Вы сокровищницу Ваших знаний, сведений и „карточек“ употребите на труд в существе библиографический, а не на новое какое-либо исследование о вещах, которые разработаны мало и для которых Вы очень хорошо вооружены, например, по археологии, этнографии, а наипаче по мифологии. Во-вторых, если уж возьметесь за начатое, то не затягивайте работы в долгий ящик, провинция очень к этому располагает, особенно когда Вас к тому же расположит и Ваш собственный характер» (5 июня 1877 г.).

³⁷ Имеются в виду статьи Пыпина: «Средние века русской литературы и образованности. I. Общие черты среднего периода. Национальные перемены и состояние образования. II. Местные сказания и московское литературное объединение. III. Состояние народной поэзии» (Вестник Европы. Ноябрь. 1877. Февраль. Апрель).

³⁸ Сочинения М. А. Максимовича. Т. III. Киев, 1880.

³⁹ *Хрущов Иван Петрович* (1841—1904) — историк литературы, с 1870 по 1878 г. занимал кафедру русской словесности в Киевском университете. Имеется в виду его работа «О древнерусских исторических повестях и сказаниях» («Киевские университетские известия» 1877; отдельно — Киев, 1878).

⁴⁰ Пыпин отвечал: «Не могу выразить удовольствия от ожидания получить от Вас экземпляр Вашей „Библиологической истории“, „совсем неудобный для употребления“. К сожалению, я не имею денег для библиотеки, но элементы этой благородной страсти у меня есть и вышесказанный экземпляр доставит мне истинное удовольствие. Только, во-первых, где Вы будете печатать? В Киеве печатают скверно, судя по „Университетским известиям“, академическим трудам и другим книгам, и, во-вторых, когда Вы соберетесь, ужасный человек? <...> Неужто Вы будете откладывать печатание до поездки в Москву, чтобы найти под Сухаревой недостающую брошюру „О курганах“?» (У Сухаревой башни был большой букинистический рынок. Упомянутая работа вышла под названием «Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения» проф. А. А. Котляревского. Воронеж, 1881, тиражом 66 экз. — 3. В.).

⁴¹ Разбор Н. С. Тихонравова см. в «Отчете о 19 присуждении Уваровских наград». СПб., 1878. С. 13—136.

⁴² *Задерацкий Николай Петрович* (1845—1880) — славист, преподаватель Второй гимназии г. Киева, секретарь Киевского отделения Славянского комитета, издавал с 1876 г. «Славянский ежегодник» и был деятельным членом исторического общества им. Нестора-летописца.

⁴³ «Барышня Подвысоцкая у меня была, и мы побеседовали о киевских делах и о деле Задерацкой», — писал Пыпин 20 февраля 1881 г. в ответном письме.

⁴⁴ «Ваша библиология меня крайне интересует, тем более еще, что кончивши второй том славянщины („Истории славянских литератур“ — 3. В.), вскоре примусь за третий, т. е. историю русской литературы, в которой особенно хочу принять в соображение не русскую, а славянскую публику», — писал в ответ Пыпин 8 октября. Издание «Библиологии русской народной поэзии» не состоялось в связи с кончиной автора, последовавшей 11 октября 1881 г.

⁴⁵ *Бодянский Осип Максимович* (1808—1877) — известный славист, профессор Московского университета (1842—1868), редактор журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Его дневник опубликован в отрывках: «Русская старина» (1888, ноябрь; 1889, октябрь); «Исторический вестник» (1887, ноябрь). Статья Котляревского «Осип Максимович Бодянский» опубликована в «Славянском ежегоднике» (Киев, 1878. С. 343—352).

⁴⁶ Пыпин отвечал: «Мне и несколько лет назад было невероятно слышать жалобы на эмфизему — Вы представлялись для меня издавна образцом здоровья!... Поезжайте за границу и возвращаетесь прежним, бодрым и сильным, каким я Вас давно знал и каким желаю Вам быть на многие лета» (8 сентября 1880 г.).

⁴⁷ Пыпин сообщал: «На этих днях второй том вышел в свет; я уже отдал распоряжение о высылке книги Вам». *Спасович Владимир Данилович* (1829—1906), историк польской литературы и права, выдающийся юрист (адвокат на политических процессах 20-ти, 50-ти, 193-х и других), профессор С.-Петербургского университета, составитель учебника по уголовному праву (СПб., 1863), который был запрещен.

⁴⁸ «Российская библиография» — еженедельный вестник русской печати выходил в Петербурге в 1879—1882 гг. под редакцией Э. К. Бертъе, который был также и его издателем.

⁴⁹ Пыпин поддержал шутку: «Точный адрес Александра Ник<олаевича> мне довольно известен: Васильевский остров, Большой проспект 22, квартира 6».

⁵⁰ Пыпин об Ефремове сообщал: «Ефремова я давно не видел. Он все злится и даже на приятелей, так что наконец избегаешь вредить его здоровью встречами. Живет он, кажется, в прежнем (которое, впрочем, Вы, вероятно, не знали) библиографическом гнезде на Лиговке 25» (8 сентября 1880 г.).

⁵¹ *Стасюлевич Михаил Матвеевич* (1826—1911) — историк, журналист и публицист, с 1866 г. издатель «Вестника Европы». Книжный магазин его находился на 5-й линии Васильевского острова в доме 28.

⁵² *Стороженко Андрей Владимирович* (1857—1904) — историк Украины, автор статьи «А. А. Котляревский» (Вестник Европы. 1890. Июль). Его студенческое сочинение «Литературная история Зеленогорской и Краледворской рукописей» было награждено в Киевском университете золотой медалью.

⁵³ В письме от 26 февраля 1881 г. Пыпин сообщал: «Собрание Комитета Литфонда состоялось раньше, чем я предполагал, и вопрос о Задерацкой уже решен. Ей назначена пенсия в 180 руб. Если бы сумма оказалась недостаточной, то... Вы могли бы обратиться в Комитет с указанием этой недостаточности, и Комитет, вероятно, мог бы теперь же несколько увеличить назначение».

⁵⁴ Пыпин отвечал: «...где я буду летом — еще не знаю; во всяком случае — около Петербурга, дальше уже давно не пускают мои здешние дела, и найти меня нет ничего проще — справившись в конторе «Вестника Европы»: Вас<ильевский> о<стров>, 2 линия, № 7» (письмо от 20 февраля 1881 г.).

⁵⁵ Котляревский интерпретирует известный заговор от лихорадки, в котором упоминаются 7—12 дочерей Ирода, истязавших людей в виде различных болезней. Пыпин заметил на это: «Если нет в немецких странах патриарха Сисиния (персонаж из заговора от «трясовиц». — *З. В.*), т. е. тузы-врачи, которые, как бы его ни выхваляли, конечно, ему не уступят в укрощении „се-стрениц“».

⁵⁶ *Щапов Афанасий Петрович* (1830—1876) — историк, разделявший взгляды революционного народничества. Тавтологическое выражение о Дале использовано «ради красного словца». Котляревский высоко ценил монументальные труды В. И. Даля: в 1861 г. он отметил появление его сборника пословиц, назвав их «энциклопедией веками сложившихся народных понятий и убеждений» (Соч., т. 1. С. 581). О толковом словаре Даля он заметил: «Достоинство труда Даля стоит выше признания: оно несомненно и убедительно для каждого, кто вдумается в работу, требующую и таланта, и обширной опытности, и железного, исполинского терпения <...> В его „Словаре“ вы получите полное изображение современной жизни русского народа, живую картину его современного нравственного бытия и деятельности, его нужд и потребностей, его мыслей, наивных верований, нравов, обычаев; вы живо почувствуете и то, что ожидает в грядущем этот народ, создавший такой звучный язык, такое богатство понятий и такую могучую державу» (Соч., т. 4. С. 441).

⁵⁷ Сын — *Нестор Александрович Котляревский* (1863—1925) — историк литературы, академик, первый директор Пушкинского Дома Академии наук.

⁵⁸ *Луцицкий Иван Васильевич* (1845—1900) — экстраординарный профессор Киевского университета с 1877 г. на кафедре всеобщей истории.

⁵⁹ *Житецкий Павел Игнатьевич* (1836—1911) — историк украинской литературы, фольклора и языка, представитель культурно-исторической школы в литературоведении, автор работ «Мысли о монументальных малорусских думах» (1893), «Очерки звуковой истории малорусского наречия» (1876) и др.

⁶⁰ *Ранненкамф Николай Карлович* — профессор Киевского университета на кафедре энциклопедии права, с 1883 по 1890 г. — ректор.

⁶¹ «Русская часть» разрослась у Пыпина в монументальный четырехтомный труд «История русской литературы» (СПб., 1898—1899).

⁶² Имеется в виду 2-я часть «Истории русской устной словесности. Опыт библиологического изложения истории ее изучения», над которой автор работал три последних года и не успел закончить при жизни.

⁶³ Пыпин писал: «Относительно Задерацкой — всего лучше напишите сами в Комитет Литературного фонда записку об ее деле; сам я теперь там не состою... Можно будет адресовать записку в Комитет Лит<ературного>

фонда с таким адресом: „Его пр<евосходительству> Андрею Николаевичу Бекетову, ректору университета и председателю Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым“ — в университет».

⁶⁴ *Grimm J. Kleinere Schriften. Leipzig, 1869* (Я. Гримм. Мелкие статьи).

⁶⁵ Котляревский отвечает на предложение Пыпина высылать ему оттиски «Вестника Европы» в двух экземплярах, один — «для критического прочтения и для заметок... и с этими заметками возвратится ко мне».

⁶⁶ Армянин — граф М. Т. Лорис-Меликов (1825—1888), назначенный в феврале 1880 г. после взрыва в Зимнем дворце начальником Верховной распорядительной комиссии, а в августе — министром внутренних дел. После убийства Александра II в 1881 г. был уволен в отставку. Пыпин отвечал: «Об армянах здесь слухов нет, и сомнительно, чтоб он снова появился» (4 октября 1881 г.).

⁶⁷ *Корш Валентин Федорович* (1828—1893) — талантливый и широко эрудированный журналист, издавал «Московские», затем «С.-Петербургские ведомости», но вынужден был оставить издание за выступление против гимназической реформы. В октябре 1881 г. основал «Заграничный вестник», который выходил до апреля 1883 г.